

лечнешь снова сумазбродствовать, завтра будешь раскаяваться; но никогда не исправился.

Я.

СЪТОВАНИЕ ТАССА.

(Изъ Лорда Байрона.)

Предисловіе.

Въ Феррарской библіотекѣ хранятся подлинники Тассова *Иерусалима*, *Эвариніева Pastor fido*, Тассовы письма и письмо Тиціана къ Аріосту. Въ Феррарѣ находилась чернильница, гробница и домъ сего послѣдняго. Но какъ несчастіе всегда болѣе прогаешь попомковъ: то болѣе всего путешественники посѣщаютъ въ больницѣ Св. Анны тѣсную келью, въ которой заключенъ былъ безсмертный Пѣвецъ *освобожденнаго Иерусалима*.

Я.

Какъ медленно кашнися время! Какъ шлжки бреному шѣлу и гордой душѣ пишомца Музъ долгіе годы клеветы, мукъ и оскорбленій! Какъ несносно прослышь сумасшедшимъ и поминься въ заточеніи! Какъ болѣзненно сжимается сердце, раздираемое нестерпимую жаждою свѣта и чистаго воздуха подлѣбесной! Ненавистная дверь, навсегда для меня запертая! швол отвращительная тѣнь помрачаешь лучи солнца и, упавая на препещущій зрачокъ мой, производить чувство шлжкое, печальное! Минься,

будно шюремый приславъ съ насмѣшкою спере-
жешъ сіи желѣзныя рѣшетки, сквозь которыя су-
мрачный свѣтъ ко мнѣ проникаешъ, и равнодушная
рука подаешъ черствый хлѣбъ горькому зашворнику!
Наконецъ, распроспертый, какъ дикій звѣрь въ клѣш-
кѣ, служащей мнѣ берлогою, а можешъ бышь скоро
и могилою, предаюсъ мрачной задумчивоспи! Такова
злосчастная учась мол, мало по малу испощающая
мои силы; надобно сносить ее! Но до сихъ поръ я
не уступилъ опчаянію; мужественно выдержалъ
спраданія и, окрыленный, улеталъ изъ пѣсной своей
кельи для завоеванія у нечестивыхъ Свяаго Гроба.
Съ восторгомъ опускался въ спанъ Героевъ; вдохно-
венный священнымъ предметомъ мой геній парилъ
надъ Палестиною; я пѣлъ свящую войну Христіанъ,
ополчившихся за Вѣру. Самъ Богъ браней предводилъ
ихъ дружины—и съ высоты небесъ подкрѣпилъ и шѣло
и духъ мой. Во дни започенія пѣлъ я завоеваніе
Іерусалима и подвиги благочестивыхъ ратниковъ
Христова Гроба: о! да услышишь Спаситель мой
молищвы — и долговременныя бѣдсвія да очиспашъ
грѣхи мои!

II.

Уже кончено сіе прекрасное швореніе, вѣрный
ушѣшишель въ моихъ скорбяхъ! Если слезы смоюшъ
въ немъ послѣдніе стихи: шо знайше, что не ропошъ,
не муки ихъ у меня вырвали; онѣ пролишы при раз-
лукѣ съ милымъ сыномъ моего воображенія, который
улаждалъ меня своею прелестною улыбкою и заспа-

малъ пріятно забываешь. Онъ покидаетъ меня — и я плачу, и мое сердце спонешъ. Сей послѣдній ударъ слишкомъ тяжель для прости, переломленной бурею. Чшо мнѣ ошпанешя? Могу ли вынести будущія бѣдспвія? Не вѣдаю! Оспаешя прибѣгнушь къ врожденной мнѣ душевной силѣ; у нее искашь подкрѣпленія; душа моя не изнемогла: она не знаешъ угрызений совѣсти и не можешъ знашь ихъ. Хошишь увѣришь меня, чшо я сумасшедшій! гдѣ же признаки? ошвѣспсвуй, Элеонора! Мое сердце, безъ сомнѣнія, забылось, осмѣлившись избрать предметомъ своей любви смершную, споль высокимъ саномъ ошъ меня ошдаленную; но шущъ заблуждался не умъ, а сердце. Скоро я раскаялся въ своей дерзости, и не упала подъ игомъ спраданій, не меньше шого ихъ чувспвую. Ты была, прекрасна, а я не былъ слѣпъ: вопшь вина, за которую ошорванъ я ошъ общества челошческаго. Пускай избобрѣпаюшь новыя обиды, муки, лишенія; не вырвущъ швоего образа изъ моего сердца. Счащливая любовь погасаешъ среди наслажденій. Несчащливые любовники . . . . вопшь вѣрныя любовники. Они могушь пошеряшь всѣ чувспва, кромѣ одного; у нихъ всѣ спрасши сливаюшся въ любви, какъ рѣки вливаюшся въ безбрежное и бездонное море.

III.

Но какіе дикіе крики слышу я надъ своею головою? Это яросшный и прощяжный вопшь шѣхъ несчастливцевъ, у кошорыхъ и душа и шѣло въ узахъ. Слышенъ свиспъ бича, споны и проклятія. Есть

люди, болѣе сумасбродные, нежели ты, которые находятяся подъ ихъ надзоромъ. Мучительными средствами и ударами, думаютъ измѣнить потерявшихъ разумокъ; прояснишь душу, безуміемъ омраченную. Безпрестанно слыша сіи вопли, имѣя передъ глазами сіи ошврашишельныя картины, я провель многіе годы, и, можетъ быть, жизнь свою здѣсь окончу.

IV.

Я многое вышерпѣлъ; хочу прешерпѣть до конца; забыть половину того, что забыть хотѣлъ; но воспоминаніе пробуждается въ моемъ сердцѣ... Увы! зачѣмъ не могу забыть всего, такъ какъ всѣ меня забыли. Пошухнешь ли мое негодованіе противъ мучителей, заключившихъ меня въ юдоли плача? Здѣсь смѣхъ не есть знакъ веселія, мысль не знакъ ума. Слова не языкъ, самые чловѣки не чловѣки. Каждый мучимъ въ своемъ адѣ: ибо насъ здѣсь много; каждый отдѣленъ отъ всѣхъ другихъ толстою перегородкою. Каждый себя одного понимаетъ, всѣ глухи къ жалобамъ сосѣдей, всѣ, кромѣ одного, всѣхъ несчастливѣйшаго узника, который досноинъ, чтооь его съ ними не смѣшиваю, который не заслужилъ быть заключенъ между больными и сумасшедшими. Пошухнешь ли мое негодованіе противъ тѣхъ, которые меня здѣсь заперли, унизили въ умѣ людей, хотѣли опнишь у меня мой собственннй, похитишь на половинѣ жизненнаго пуши мое счастье, очернишь мой образъ мыслей, представляя его опаснымъ? Не спану ли я хепишь, плашншь за обиду обидою?... Нѣтъ!

Я слишком горда и не унижусь мещью; прощаю сильным, ихъ правосудіе и желаю смерти. Такъ, владычица души моей! изгоняю изъ нее горькія мысли; онѣ не должны жить въ одной обители съ любовью. Твой братъ ненавидитъ меня; я не ужью ненавидѣть. Ты не знаешь жалости, я не знаю забвенія.

V.

Извѣдай мою любовь: она не знакома съ опчаяніемъ, но съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе разгорается: она моя милѣйшая надежда, лучшая часть бытія моего. Какъ молнія скрывается въ тучѣ: такъ любовь глубоко скрывается въ безмолвномъ моемъ сердцѣ. Какъ молнія быстро вырывается изъ облака: такъ при имени своемъ быстрый огонь пробѣгаетъ по жиламъ — и всѣ предметы летаютъ вокругъ меня въ прежнемъ видѣ . . . Они исчезаютъ — и душа моя возвращается въ свою пещницу.

Не думай, чтобы я когда-нибудь ослѣплялъ себя несбыточною надеждою. Я зналъ свой санъ и свое низкое званіе: Принцесса не можешь принадлежать Поэту. Никогда ни словомъ, ни вздохомъ не обличилъ я моего пламени: спросишь моя, и неудовлетворенная, сославляла мое блаженство. Въ ней самой заключалась моя награда, и если взоры мои мнѣ взбѣнили: по молчаніемъ своимъ они жестоко наказаны. Ропсалъ ли я когда на свою участь? Кто слышалъ мою жалобу? Ты была для меня святыней; я обожалъ себя въ почтительномъ отдаленіи, цѣло-

валъ землю, на которую ты спупала. Не думай однако, что я уважалъ въ тебѣ только одну высокую породу; нѣтъ! любовь представляла мнѣ тебѣ въ шакомъ блескѣ славы, въ шакомъ сіяніи красоты, что сердце мое исполнялось къ тебѣ какою-то благоговѣнною боязнію, какъ къ Ангелу, съ небесъ ниспосланному. Соблюдая въ обращеніи со мною строгое приличіе, ты разливала въ душѣ моей какое-то неизяснимое удовольствіе. Незнаю какъ, но ты самовластно мною повелѣвала; моя звѣзда блѣднѣла передъ швоею. Если обожашъ себя безъ надежды, безъ цѣли, есть преспуленіе: что я достойно наказанъ; но все еще люблю: изгнавъ изъ сердца любовь, я бы достоинъ былъ этой унизительной шемницы. Любовь наложила на меня оковы; но она же и облегчаетъ ихъ: они шяжки, но въ ней нахожу силы носить ихъ. Благодаря ей, всѣ мысли мои о тебѣ и къ тебѣ: душа моя забываетъ свои шраданія.

VI.

И это ни мало не удивительно! Съ колыбельныхъ лѣтъ душа моя жила любовью; спрашно привязывалась ко всему, что видѣла, даже къ предметамъ неодушевленнымъ. Дикіе цвѣшны, удивенные ушесмы, казались мнѣ раемъ, и я, распросшершись подъ колеблющеюся сѣнью деревьевъ, проводилъ цѣлыя часы въ мечшаніяхъ. Мудрые шпарцы, проходя мимо меня, качали сѣдыми головами, и съ сожалѣніемъ предсказывали, что я буду несчастливъ: что мла-

денецъ, любящій праздношь, гошовишь себѣ худую учашь; они совѣшовали прилѣжно смощрѣшь за мною, строго меня наказывашь. И дѣйствительна, меня жестоко наказывали: я не плакаль, но проклинала ихъ, и опяшь украдкой уходя въ уединеніе, обливался слезами — и на яву грѣзилъ. Возмужавъ, я почувствоваль, что душа моя полна какимъ-шо неизъяснимымъ чувствомъ, какимъ-шо чуднымъ смещеніемъ: оно сосшавляло и муку ея и наслажденіе. Сердце мое ощущало какую-шо пошребность неопредѣленную и для самаго меня непосшижимую . . . оно шомилось, искало желаемаго предмета, нашло его — это была шы. Съ этой встрѣчи, мое бытіе исчезло въ швоемъ! . . . мірь унищожился! . . .

VII.

Я любилъ уединеніе, не подозрѣвая, что столько лѣшь опчужденъ буду опъ сообщества съ людьми. ибо нельзя назвашь людьми сумасшедшихъ, моихъ шоварицей и присшавовъ, нашихъ мучишелей. Я бы давно сошелъ въ могилу, если бы предѣлся опчаянію. Но кто видѣль меня въ судорожномъ припадкѣ? Кто слышаль, что я брежу?

Келья моя несноснѣ пущынной скалы, на кошорую брошенъ пловецъ кораблекрушеніемъ. Передъ нимъ небо, море, вселенная. Моя вселенная — вдвое проспраннѣе будущей, моей могилы. Темничшый сводъ, какъ черная шуча засшилаешъ опъ меня небо . . . но духъ мой бодръ!

VIII.

Чувствую, что не долго сохранию свѣжій разсудок . . . онъ уже начинаетъ мѣшаться . . . Иногда мечтаешь мнѣ, что стѣны моей кельи ярко блестящъ; иногда какой-то злой демонъ нашептываетъ мнѣ черныя мысли. Чувствую маленькія боли, коимъ человѣкъ свободный и здоровый не подверженъ: бѣшеніе сердца, стѣснопу шюрмы. Можешь быть, злые духи упошребяшь минушы ропота для моего искушенія; можешь быть, о ужасъ! они воспоржесивуюшь надъ тварью, лишенною средствъ къ оборонѣ. Почто душа искушается въ сей печи, какъ желѣзо въ горипат?

IX.

Прежде, ощущенія мои были живы, чувствованія пылки . . . сіе время прошло. Цѣпи изгрызли мнѣ ноги. Если я не разбилъ себя голову моими кандалами, если я перенесъ непереносимое: шо эпимъ обязанъ единственно отъ обращенію моему опъ самоубійства. Я не хотѣлъ оправдать моихъ гонителей, лиша себя жизни и доказавъ, что я дѣйствительно былъ сумасшедшимъ; не хотѣлъ запятнать память свою. Мое имя безсмертно. Моя келья превратится въ храмъ, въ кошарый народы будутъ приходить на поклоніе. Феррара! ты падешь некогда; чертоги твои разрушатся: тогда лавръ Поэта будетъ твоимъ вѣнцемъ, и моя шемница — швоею славою. А ты, Элеонора! когда умалкнушь лики пиршесствъ въ чершюгахъ швоего брата, когда померкнутъ

свои прелести. тогда зеленая вѣпвь съ лавра, копорый будешь отъняшь мою гробницу, будешь сѣять на челѣ своемъ свѣтлѣ короны. Никакая власшь не разлучишь насъ послѣ смерти, также, какъ никакое могущество не могло вырвать тебя изъ моего сердца. Такъ, Элеонора! наша судьба бышь соединенными на вѣки... но слишкомъ поздно!

Я.

Пелопидъ.

(Съ Ламинскаго.)

1. Пелопидъ, Фивянинъ, извѣстенъ болѣ дѣписателямъ, нежели свѣшу. По сему я недоумѣваю, какъ предсхавишь его дѣянїя: ибо опакою, если начну говоришь подробно, что буду писашь не житїе его, а исторїю; если же скажу покмо крашко, то не свѣдуцїе въ Греческой Словесности не увидяшь въ полномъ блескѣ достоинствъ сего мужа. И шакъ, постараемся предошврашишь, сколько можемъ, и шо и другое, и пособимъ какъ пресыщенїю, шакъ и незнанїю чпшашелей. Когда Фебидъ, Лакедемонянинъ, велъ войско въ Олинъ и шель черезъ Фивы, занялъ онъ городской замокъ, называвшїйся Кадмею, по наущенїю немногихъ Фивянъ, копорые, желая превозмочь своихъ противниковъ, предались Лакедемонянамъ. Это сдѣлалъ онъ по собственной волѣ, а не по приказанїю своего народа. За сей послушокъ

К. ХІ.

Н О В О С Т И Л И Т Т Е Р А Т У Р Ы .

ФЕВРАЛЬ, 1825.

П Р О З А .

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПУТЕШЕСТВІЯ А. НОРОВА (*) ПО СИЦИЛИИ ВЪ 1822-МЪ ГОДУ.

(Окрестности города Реджіо — Мессинскій проливъ. — Сициліа. —
Землеописание 1733-го года.)

Я сказалъ, что внутренность города Реджіо печальна; но за то, какая природа въ его окрестностяхъ! какое высокое понятие даешь объ Италіи сей входъ въ оную! Я употребилъ все время послѣ обѣда, на прогулку, и провелъ почти весь вечеръ на крутизнѣ высокой горы, послѣдней изъ цѣпи Апенниновъ. Подъ ногами моими развертывалась долина столь живописная, столь роскошная, что едва ли можно пламеннаго Художника выразить разнообразіе красоты ея. Весь край сей соопавленъ изъ холмовъ и овраговъ, одѣтыхъ плащанами, лимонными, лавро-

(*) Сочинитель извѣстенъ уже отечественной Публикѣ прекрасными своими Сивхошвореніями, напечатанными въ С. О., Полярной Звѣздѣ и Новостяхъ Литтературы. Онъ намеренъ напечатать въ разныхъ Журналахъ нѣсколько отрывковъ, чтобы услышать сужденія о нихъ знамоковъ и любителей Словесности. *Изд.*

ОГЛАВЛЕНІЕ

о днннадцатой книжкн.

П Р О З А.

	Стр.
Царычно	1.
Нязость и благородство души. (Истинное происшествіе.)	12.
Отрывокъ изъ Путешествія А. Норова по Сацліи въ 1822 году.	49.
Торденскіомодъ и Фридрихъ IV. — Историческій анекдотъ	58.
Портретъ своеюравнаго	69.
Съшованіе Тасса. (Изъ Лорда Байрона.)	73.
Лелопидъ. (Съ Лашинскаго.)	81.
Лафершовская Маковница. — Руская Повесть	97.
Несчастія. — Отрывокъ изъ Искусства жить, падаваннаго В. Филимоновича	135.
Вѣра. — Отшудажъ	138.
Эпаммондъ. (Съ Лашинскаго.)	139.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Море и Земля	27.
Съшованіе Араба	28.
Къ Музамъ	29.
Совѣтъ Прекраснымъ	30.
На смерть дѣвнцы Ч.	31.
Романсъ	32.
Къ Н. . . . у младшему, въ деревню	33.
Мелодія. (Изъ соч. Лорда Байрона.)	36.